

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-216-221

Т. В. Журчева¹

ОТ «ДЕТСТВА НИКИТЫ» ДО «ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ». РЕЦЕНЗИЯ

на монографии М. А. Перепелкина «Вокруг “Детства Никиты”: мир – слово – смысл» (Самара: научно-технический центр, 2021) и «Ходившие по мукам. “Самарский код” в трилогии А. Н. Толстого» (Самара: научно-технический центр, 2022)

По-разному люди читают книги. И о разном. В том смысле, что каждый вычитывает что-то своё, хотя текст, вроде бы, они читают один и тот же. И приходят к чтению, к любимой книге тоже разными путями.

Ну, например, так: «Итак, осенью 1981 года, будучи первоклассником Красноармейской средней школы, автор этих строк только-только начал учиться читать и писать, а в день приема в октябрятя получил в подарок от десятиклассников тоненькую книжечку, только что выпущенную Куйбышевским книжным издательством, – “Детство Никиты” Алексея Толстого. Вот она и сейчас передо мной, с надписью, сделанной шариковой ручкой на обороте обложки: “Ребятам-октябряткам от учеников 10 «б» класса” – и толстовскими словами на титуле:

¹ Татьяна Валентиновна Журчева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью СНИУ им. академика С. П. Королева.

“Моему сыну Никите Алексеевичу Толстому с глубоким уважением посвящаю. Автор”. Должен признаться, что две эти дарственные надписи казались мне когда-то едва ли не слившимися до некоторой степени в одну общую. <...> Может быть, именно в силу этого я и полюбил когда-то эту книжку с распахнутым окном на обложке – книжку, в каждой строчке которой рассказывалось не только про родину А. Н. Толстого, но и про мою тоже» [Перепелкин, 2021, с. 25]. Это из авторского предисловия к книге Михаила Перепелкина, увидевшей свет год назад, в самом конце 2021-го.

«Вокруг «Детства Никиты» – далеко не первая, но, пожалуй, одна из самых фундаментальных книг автора. Поначалу, перед знакомством с ней, я не предполагала никаких неожиданностей. Ну что еще можно написать про «Детство Никиты», когда уже столько всего написано? И сам Перепелкин тщательно, подробно пересказывает и цитирует своих предшественников, с кем-то споря, с кем-то соглашаясь, какие-то факты ставя под сомнение. И вроде бы всё как положено: вот текст Толстого, вот некие факты реальной жизни, более или менее подкрепленные документами, а вот выводы об авторском вымысле, о причинах и результатах отступления от реальных фактов. Но книга почти сразу увела меня от ожидаемого сюжета.

Что-что, а строить сюжет Перепелкин умеет: во-первых, филолог, во-вторых, архивист, музейщик. Работа с архивными документами, поиск музейных экспонатов подчас напоминают запутанные детективные истории. Начинается повествование с главы «Отец», затем идет глава «Матушка». Имеются в виду отец и мать Никиты и их легко узнаваемые прототипы – отчим и мать Алексея Николаевича Толстого, маленького Лельки, чье детство и было потом описано в «Повести о многих превосходных вещах». С родителями связаны самые первые детские впечатления, поэтому в любом «романе воспитания» (а «Детство Никиты» таковой и есть) им отводится первое и главное место. Любопытно, что главка, замыкающая всю книгу, называется «На память маме и папе...», только речь там идет уже о совсем других родителях и других детях – о семье, купившей у Алексея Аполлоновича Бострома хутор Сосновка и жившей около двадцати лет «в том самом доме, в котором прошло детство Алексея Толстого, где спустя еще несколько лет Алексей Толстой поселит Никиту и его родителей» [Там же, с. 701].

Всего в книге девятнадцать глав, и каждая из них разделена на подглавки. Они неравномерны, неодинаковы. В главе «Отец», например, девять подглавок, в главе «Мать» – семь, в четвертой главе «Деревня – река – плотина» – целых двадцать четыре, а в последней – «Мионов сад» – всего две. Порядок глав, состав и количество подглавок определены логикой повествования, которая, в свою очередь, подчинена цели, заявленной в авторском предисловии: описать «ускользающее пространство» толстовской повести, вернуть ему реальные очертания. Мы осваиваем это пространство вроде бы вслед за Никитой – от родителей, от дома и усадьбы, через деревню, реку, плотину к соседним деревням и селам, с которыми тесно связана была жизнь сосновских обитателей, а значит, и персонажей

повести. Но вслед за автором мы осваиваем не только собственно пространство хутора и его ближних и дальних окрестностей, но и пространство времени.

Читая книгу Перепелкина, мы действительно перемещаемся во времени как в пространстве, оно становится обратимым, в нем прокладываются свои маршруты, свои вехи и ориентиры. Реальная жизнь и реальные люди так сложно переплелись с художественным сюжетом, что иногда трудно отделить одно от другого. Порой кажется, что автор, увлекшись своими изысканиями, и сам уже не всегда видит эту границу. Впрочем, идя за документами, за фактами жизни реальных людей, их родственников, свойственников и знакомых, он «Детство Никиты» из виду не упускает и всякий раз возвращается к тексту, повторяя порой одну и ту же цитату по несколько раз, потому что от нее тянутся в реальную жизнь разные ниточки.

Честно сознаюсь, я не сразу поняла логику и, если можно так сказать, целеполагание этой книги. Документы, чертежи, планы, письма и дневниковые записи, выписки из метрических книг – всё это множится, цепляется одно за другое, и каждый раз надо заново возвращаться к исходному пункту. Как в цифровом пространстве, где манят синим цветом гиперссылки, щелкаешь одну за другой, а потом не сразу соображаешь, куда вернуться. Бумажная книга позволяет преодолеть примитивную линейность текста и не только удерживать в памяти все его уровни, все авторские отступления, но и существовать одновременно на двух-трех-пяти страницах, легко перемещаться в пространстве сюжета, самостоятельно определять логику чтения.

Но в конце концов мне пришла в голову одна догадка. Верна ли она – не знаю. Впрочем, в отличие от Перепелкина, который свои предположения может проверить только новыми изысканиями и, если повезет, вновь найденными документами, мы можем спросить это у него самого. Догадка же такая: намеренно или нечаянно у автора «Вокруг “Детства Никиты”» получилась книга-музей – такой вот странный жанр. Не виртуальный и уж тем более (увы!) не реальный, но самый настоящий музей, разместившийся на книжных страницах. Музей-мечта, каким он мог бы быть, если бы через сто с лишним лет сохранилась усадьба с хозяйственными постройками, дом со всей обстановкой – мебелью, книгами, предметами обихода. Так подробно восстанавливает автор и план этого дома, и расположение комнат, их назначение, описывает, каков должен был быть вид из того или иного окна. Он пытается проследить судьбу каких-то предметов мебели, о которых удалось найти свидетельства, представить, какие книги заполняли или могли бы заполнять полки книжного шкафа и куда они потом девались. Не только бытовой уклад небогатых провинциальных помещиков, но трогательная история настоящей любви, потребовавшей многолетнего мужества, душевной стойкости, и духовный, интеллектуальный мир типичнейших русских интеллигентов открываются нам. Это мог бы быть музей не только одной книги, это мог бы быть музей русской интеллигенции, вообще глубинной русской жизни. Но пока есть только мечта о нем – эта книга-музей.

В другой своей книге, только что вышедшей из печати, Перепелкин как будто бы повторяет прием, использованный им в предыдущей. Сходство сразу бросается в глаза, едва только взглянешь на оглавление: главы, числом девять, ведут читателя от семьи и дома Булавиных всё дальше и дальше, во внешний мир, суровый и страшный, изломанный революцией и гражданской войной. Огромное количество документов (1 630 сносок!) самого разного свойства – от метрик и справок до мемуаров и научных трудов, причем многие из них приводятся впервые. В каждой главе есть разделы, где 20 (2 глава), где всего 3 (9 глава) – в зависимости от числа прототипов тех или иных персонажей, от событий и источников сведений об этих событиях и людях. Правда, в отличие от прошлогодней книги, здесь почти нет переключек между главами, нет повторов, многократного обращения к одним и тем же эпизодам романа, к одним и тем же цитатам. Напротив, в новой книге каждая глава как бы сама по себе и каждая могла бы остаться вполне самостоятельным и самодостаточным текстом со своим сюжетом, композицией и внутренней логикой.

Сквозной сюжет, конечно, просматривается, он задан самим изучаемым материалом – трилогией «Хождение по мукам». И своеобразной миссией, принятой на себя автором: сложить из разрозненных явлений, из отдельных упоминаний, описаний самарский текст. Это с одной стороны. А с другой – выявить в толстовской прозе тот самый «самарский код».

В «Неюбилейном введении» к книге о «Хождении по мукам» Перепелкин пишет: «Тексты о Самаре в русской литературе есть, а “самарского текста” русской литературы нет. Кому от этого плохо? На наш взгляд – всем. Самаре – потому что, имея богатую литературную историю, она не имеет своего культурного мифа, который вынуждена замещать мифами, сориентированными на военно-политические и технические (а по сути своей – тоже политические) имена и события. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить беглый взгляд на список современных самарских площадей и улиц и установленных на них памятников «вождям», основателям, градоначальникам, инженерам и т.д. Литературе – потому что, не имея отрефлектированного и в той или иной мере изученного понятия «самарского текста», она вынуждена упускать из внимания те смыслы и нюансы, которые были важны, прочитывались и обрабатывались писателями, не только жившими и работавшими в Самаре, но и включавшими аллюзии к «самарскому тексту» в свои произведения, разрабатывавшими совсем другие культурные, в том числе и городские тексты» [Перепелкин, 2022, с. 16].

И хотя роман вовсе не о Самаре, однако «“самарский код” в этой трилогии – один из существеннейших для понимания её отдельных эпизодов и всей трилогии в целом. И Толстой не скрывает и не прячет этого, всеми доступными ему как художнику средствами подчёркивая, что память для писателя – талантообразующее свойство, а память о корнях – талантообразующее вдвойне и втройне» [Там же, с. 17–18].

Впрочем, освоение самарского текста и выявление «самарского кода» – это сверхзадача, которую последовательно и упорно решает автор. Ей посвящены почти все литературоведческие исследования Перепелкина. А поскольку новая его книга посвящена трилогии «Хождение по мукам», то соответственно, и структура, и концепция ее продиктованы структурой и концепцией литературного материала.

Осмывая «Детство Никиты», Перепелкин воссоздавал вслед за повествователем идеальный образ мира, который выстраивается в сознании ребенка. Мир этот по мере взросления и узнавания расширяется пространственно, но не утрачивает своей целостности, в нем все неразрывно связано со всем.

«Хождение по мукам» – о мире, утратившем свою целостность. Да и была ли она когда-нибудь? В романе нет объединяющего центра, подобного, скажем, дому Турбиных у Булгакова. Напротив, герои – и главные, и второстепенные – бездомны, бесприютны. У них есть жилище, свое или съемное, богатое или бедное, но Дома нет и не предвидится. Хотя в финале «Хмурого утра» счастливо воссоединившиеся Даша и Телегин, Катя и Рошин, слушая доклад о плане ГОЭЛРО, мечтают о будущей своей прекрасной жизни. Однако писал эти страницы автор в 1941 году и, конечно, не мог не понимать, что впереди его героев на самом деле ждет процесс Промпартии и большой террор.

Логика повествования Перепелкина совершенно очевидно подсказана самой сутью трилогии. Недаром он назвал свою книгу «Ходившие по мукам», сосредоточив и свое, и наше внимание на судьбах людей в хаосе революции и гражданской войны. Отталкиваясь от героев романа, автор выстраивает сложные, порой довольно длинные цепочки, связывающие их с реальными людьми, которые были или могли бы быть прототипами того или иного персонажа. Поскольку речь идет принципиально только о «самарском коде», то и герои, равно как и события, взяты только те, которые имеют отношение собственно к Самаре. Страниц, связанных непосредственно с Самарой, в романе не так уж много по отношению ко всему остальному тексту. И каждое событие, каждый персонаж подробно откомментированы в книге, каждая версия происхождения героя подкреплена документально. Причем конкретными прототипами исследователь не ограничивается: выстраиваются цепочки многообразных связей этих реальных людей с другими, их участие в самарской и общей русской жизни, биографии их самих и их близких. В итоге и без того густонаселенный мир романа обрывает трудно исчислимым количеством людей, посетивших «сей мир в его минуты роковые», и их судеб, по большей части трагических. Одним из них был и сам Алексей Толстой. При всем внешнем благополучии члена ССП и лауреата Сталинской премии был ли он счастлив и по-настоящему благополучен? Он и сейчас, спустя почти 80 лет после смерти, не слишком счастлив. Недаром ведь автор предисловия Иван Толстой, внук писателя, начинает сразу с оправданий, с утверждения за писателем права оставаться таким, каков он был с его «чувственной, наблюдательной, интуитивной» творческой природой, с правом на художественный вымысел [Перепелкин, 2021, с. 7].

Странно и нелепо было бы оспаривать это неотъемлемое право художника. Но тем интереснее понять, на каком колоссальном фундаменте зиждется этот вымысел, какая точная и подробная фактология лежит в его основании. Голоса неисчислимого множества людей звучат в повествовании Перепелкина, образуя, по выражению Ивана Толстого, «полифонический разбор книг Алексея Толстого» [Перепелкин, 2021, с. 8].

В итоге получилась не просто литературоведческая монография. Исследователь сумел через призму нескольких самарских эпизодов воссоздать образ эпохи, тот вселенский хаос, о котором писал Александр Блок:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Перепелкин, М. А. Вокруг «Детства Никиты»: мир – слово – смысл / М. А. Перепелкин. – Самара: Научно-технический центр, 2021. – 702 с.

Перепелкин, М. А. Ходившие по мукам. «Самарский код» в трилогии А. Н. Толстого / М. А. Перепелкин. – Самара: Научно-технический центр, 2022. – 704 с.